

УДК: 94(47)

EDN QWUDPC

Деятельность губернских и уездных органов власти в отношении бродяжничества в Российской империи (первая половина XIX в.)

К. В. Лукоянов,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

The Activities of Provincial and Uyezd Authorities on Vagrancy in the Russian Empire (first half of the 19th century)

K. V. Lukoyanov,

*Kazan Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается характер соприкосновения государства с таким социальным явлением, как бродяжничество в Российской империи в первой половине XIX в. В фокусе внимания находятся губернские и уездные органы управления, осуществлявшие контроль за населением, а также судебные-следственные процедуры в отношении задержанных странствующих лиц. Основу работы составили архивные документы из фондов Государственного архива Республики Татарстан, позволившие проследить комплекс судебных-следственных процедур в отношении бродяжничества, их правоприменительную практику. Одними из основных учреждений, непосредственно занимавшимися в XIX в. данным кругом вопросов, были земские и уездные суды, губернское правление, палата уголовного суда, уездное полицейское управление. Вместе с тем, их деятельность не всегда имела четко выстроенную траекторию принятия решения, что обусловило ряд аномалий в делопроизводстве в отношении бродяг в XIX в.

Abstract

This article examines the nature of the interaction between the state and the phenomenon of vagrancy in the Russian Empire in the first half of the 19th century. It focuses on provincial and uyezd administrative bodies that exercised control over the population, as well as judicial and investigative procedures regarding detained vagrants. The study draws on archival documents from the State Archives of the Republic of Tatarstan, which allow us to trace the complex of judicial and investigative procedures regarding vagrancy and their enforcement practices. Some of the main institutions directly involved in this range of issues in the 19th century were zemsky and district courts, provincial governments, criminal court chambers, and uyezd police departments. However, their activities were not always guided by a clearly defined decision-making process, which led to a number of anomalies in the administration of cases involving vagrants in the 19th century.

Ключевые слова

Бродяжничество, бродяги, губерния, уездные органы власти, земский суд, уездный суд, беглые, полиция, делопроизводство.

Keywords

Vagrancy, vagrants, province, uyezd authorities, zemstky court, uyezd court, fugitives, police, paper work.

В первой половине XIX в. бродяжничество в России окончательно оформляется в качестве уголовного преступления. Соответственно, в отношении неправомерно скитающегося населения должны были осуществляться определенные судебно-следственные процедуры. Значительную роль в этих процессах в первой половине XIX в. в России играли органы местной власти. Ее главными выразителями выступали губернские и уездные учреждения¹. В связи с этим цель статьи – выявить специфику деятельности губернских и уездных органов власти в отношении бродяжничества как маргинального социального явления в Российской империи в дореформенный период. При этом методологически статья примыкает сразу к нескольким подходам, сложившимся в исследовательской среде – ведомственному и функциональному².

Ведомственный подход позволил очертить круг органов местной власти, непосредственно занимавшихся следствием и последующим судопроизводством над бродягами. Функциональный подход обеспечил возможность оценивания эффективности деятельности губернских и уездных учреждений в отношении задержанных за бродяжничество в России в дореформенный период. Данные аспекты удалось рассмотреть прежде всего за счет анализа делопроизводственной документации, отложившейся в фондах Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), отражающей правоприменительную практику относительно бродяг.

В первой половине XIX в. основной административно-территориальной единицей в Российской империи была губерния. Необходимо отметить, что структура губернского управления в России дореформенного периода, в определенной степени, базировалась на «Учреждении для управления губерниями Всероссийской империи» 1775 г.³ Во главе каждой губернии в первой половине XIX в. стоял губернатор, вокруг фигуры которого были сосредоточены все основные губернские административные органы. Ведущими среди них были канцелярия губернатора и губернское правление. Н. П. Ерошкин так описывает функциональную сторону последнего: «Все основные дела губернского правления были сосредоточены в канцелярии правления, аппарат которой делился на четыре отделения. Первое отделение канцелярии заведовало обнародованием законов, наблюдением за исполнением распоряжений губернатора и губернского правления, газетой “Губернские ведомости”. Через второе отделение губернатор осуществлял руководство полицией, третье – связь администрации с местными судами, и, наконец, четвертое – с финансово-хозяйственными органами»⁴. Оценивая широту задач, стоящих перед губернской администрацией в первой половине XIX в. отечественный специалист А. Н. Бикташева подчеркивает, что «начальники губернии буквально тонули в бумажном потоке, достигшем

к 40-м годам XIX в. невероятных размеров»⁵. При этом очевидно обнаруживаются еще два вида учреждений губернского и уездного уровней, непосредственно участвующих в коммуникации с бродягами, – полиция и суды.

Общее устройство российской полиции в первой половине XIX в. также обеспечивалось нормативным актом екатерининской поры – Уставом Благочиния 1782 г.⁶ На это обращает внимание историк права И. Е. Андреевский (1831–1891), констатируя следующее: «Перешедшая в ведение министерства внутренних дел, исполнительная полиция, земская или уездная и городская, стояла на тех началах, которые были искусственно для нее изобретены при императрице Екатерине II»⁷. Так, города делились на части, которые, в свою очередь, разделялись на кварталы, в которых действовали квартальные надзиратели. Городские части контролировались частными приставами. Основную функцию главы городской полиции выполнял полицмейстер или городничий⁸.

Что касается судебно-полицейской системы внутри губерний, то здесь важную роль играли палаты уголовного и гражданского суда, уездные и земские суды: «Во главе всей уездной полиции с 1775 г. стоял уездный капитан-исправник, при котором находилось полицейское управление, называемое земским судом»⁹. Среди перечисленных ведомств необходимо различать верхний земский суд и нижний земский суд, учрежденные в 1775 г. Первый – имел общегубернские полномочия. Нижний земский суд имел прежде всего характер уездной инстанции. В 1796 г. Верхний земский суд был упразднен, нижний же земский суд существовал до 1837 г., а далее просто именовался земским судом. Уездный суд выступал в роли апелляционного учреждения по отношению к земскому суду.

В результате можно говорить лишь об иллюзорной стройности системы местных органов власти. На практике вся эта бюрократическая машина Российской империи в первой половине XIX в. функционировала очень громоздко и неповоротливо: «обширное бумажное делопроизводство, множество ревизующих и апелляционных инстанций, запутанность самого процесса создавали волокиту в делах»¹⁰. Перечисленные коллизии также были присущи судебно-следственным процессам в отношении бродяг.

Кроме того, важно учесть, что задержание скитальца могло происходить различным образом. Например, его могли привести в губернское, городническое или волостное правление местные жители, с которыми столкнулся бродяга, проходя через уездные города, деревни и села. В документах также встречаются эпизоды, когда задержанные просились переночевать в домах сельского населения, которое вскоре сообщало о незнакомцах и препровождало их под надзор. В иной ситуации неопознанного путника могли остановить и задержать представители полиции. Затем бродяга, как правило, попадал под действие судебно-следственных процедур.

Чаще всего после задержания проводился первичный допрос и медицинское освидетельствование. Все это, как правило, совершалось в том учреждении, куда бродяга был доставлен. На основе полученных сведений местные органы власти нередко отсылали запросы в другие губернии или инстанции с просьбой проверить подлинность сведений о личности задержанного. При необходимости проводились повторные допросы. По окончании сбора и проверки сведений могло быть принято определенное решение либо дело передавалось

Г. И. Солнцев.

G. I. Solntsev.

в уездный суд, палату уголовного суда и т.д. для дальнейшего судопроизводства¹¹. Затем определялась мера наказания и объявлялся приговор, который приводился в исполнение органами местной полиции. Чаще всего это были от 20 до 35 ударов палками или розгами, а после следовало отправление в Сибирь на каторжные работы в составе арестантских рот; либо отправляли на военную службу и т. д.

Рассмотрим несколько конкретных эпизодов. Первый случился 25 июня 1832 г., когда господину статскому советнику казанскому губернскому прокурору Гавриилу Ильичу Солнцеву¹² поступил рапорт от смотрителя казанского губернского тюремного замка следующего содержания: «находящийся в сем тюремном замке в числе арестантов, присланный в него из Казанского губернского правле-

ния, назвавший себя бродягой, по имени Андреем Алексеевым – числящийся за Казанским уездным судом, вчерашнего числа им объявил, что он есть беглый рекрут Прокопий Борисов, поступивший в таковые в осеннее время прошлого 1831 г. Тобольской губернии Курганского уезда Утечинской волости ... из казенных крестьян, от коего по предмету сему отобрано мною на письме показание, которое на благорасмотрение вашего высокородия, имею честь почтеннейше представить при сем»¹³.

Дальнейшее исследование дела показало, что содержащийся в тюремном замке бродяга, будучи тяжело больным, после исповеди и святого причастия заявил, что он казенный крестьянин Курганского уезда, отправленный в рекруты за свое семейство по дошедшей до него очереди в 1831 г.

Из показаний бродяги также стало известно, что он, «шатаясь с разными неизвестными ему товарищами, был пойман с ними в г. Курган, был в тюрьме и оттуда с 15 арестантами бежал с работы после чего бродяжничая в разных местах они выкрали из неизвестного ему дома значительное количество денег и вещей по разделу коих досталось ему с двоими товарищами по 200, ... кои у него товарищами его после отняты, кроме сего в других противозаконных поступках не признался и по сему их не видно; а потому дело сие с выпискою из оногo и мнением из казанского уездного суда и представлено на ревизию в сию палату¹⁴ 2-го текущего июля»¹⁵. Так как бродяга объявил себя беглым рекрутом, то его дело было передано из уездного суда в военно-судную комиссию, учрежденную при Казанском ордонансгаузе¹⁶. Дальнейшая судьба задержанного осталась неизвестной.

Материалы данного дела наглядно показывают одну из возможных траекторий взаимодействия органов местной власти с бродягой. Вероятно, скиталец

изначально был задержан и приведен в губернское правление, где и состоялся допрос. Скорее всего, его показания при проверке оказались ложными, поэтому его дело передали в уездный суд для дальнейших судебных разбирательств, а самого задержанного поместили в тюремный замок. После этого уездный суд, получив информацию о том, что бродяга – беглый рекрут, перенаправил дело в военное ведомство. Вместе с тем, каждая инстанция формально произвела все необходимые процедуры по своей части, поэтому делопроизводство посчитали выполненным.

Рассмотрим следующую ситуацию. В феврале 1838 г. было начато дело о бродяжничестве раскольника Ивана Васильева, который помимо своих «скитаний» и «заблуждения в вере» отказывался признавать существующую власть. По итогам разбирательств, проходивших в Комитете министров, подследственного было решено отправить под строжайший надзор в Раифскую пустынь. Наиболее полно суть сложившейся ситуации отражает записка от 22 апреля 1838 г. на имя Его Высокопреосвященства архиепископа Казанского: «Комитет господ министров, рассматривая дело, представленное Начальником губернии о бродяге, называющем себя странником, Иване Васильеве, опровергающем установленную власть как светскую, так и духовную. Журналом своим определил: этого бродягу Васильева поместить по назначению Духовного начальства в Раифскую пустынь Казанской губернии, поручив настоятелю монастыря наставить его в истинных догматах православной веры, стараться кроткими поучениями раскрыть ему нелепость религиозных понятий и внушить в чем состоят обязанности христианина и верноподданного; о приведении в исполнение такового положения Комитета господ министров 18 марта Симбирская уголовная палата сообщила в здешнее Губернское правление.

В следствие сего Губернское правление предписало ныне Симбирской градской полиции отправить бродягу Ивана Васильева посредством внутренней

Раифская пустынь. 1879 г.

Raifa Wilderness. 1879.

стражи в Казанскую градскую полицию, для передачи в Раифскую пустынь к настоятелю монастыря»¹⁷.

Ниже автор послания просит священника сообщить о прибытии нарушителя. 10 мая из Раифской Богородицкой пустыни в Казанскую духовную консисторию следует рапорт о том, что «9 числа мая сего 1838 г. прислан раскольник Иван Васильев, сужденный за бродяжество и непризнание властей, и с оного числа находится в сей пустыни»¹⁸. Затем в деле следуют повторные справки о прибытии осужденного.

Ситуация резко меняется в начале июля 1838 г. Из Раифской Богородицкой пустыни в Казанскую духовную консисторию поступает новый и уже весьма тревожный рапорт, в котором говорится, что: «раскольник Иван Васильев, сужденный за бродяжество и непризнание властей, текущего июля месяца 2-го числа во 2-м часу по полудни, самовольно отлучившись из монастыря, неизвестно куда бежал с выкраденною им раскольником Васильевым у проживающего при сей же пустыни Казанской помещицы г-жи Марьи Ивановны Юшковой отпущеника из дворовых людей Михаила Аввакумова отпускною, и по сие время в пустыне не является»¹⁹. По этой причине 6 июля 1838 г. из Казанской духовной консистории последовал приказ о розыске беглеца. Запросы о его поиске и поимке были разосланы в соседние губернии: Нижегородскую, Вятскую, Оренбургскую, Симбирскую, Пензенскую, Саратовскую и Пермскую²⁰.

Розыск указанного лица, имевшего на руках официальную отпускную, выданную на чужое имя, продолжался несколько лет. Отсутствие фотографии сбежавшего подкрепляло ему свободу перемещения. В декабре 1844 г. было предписано розыскное дело «за не отысканием сего бродяги с 1838 года ... сдать в архив»²¹.

Данный эпизод примечателен сразу в нескольких отношениях. С одной стороны, он вскрывает бюрократические механизмы Российской империи – то, как протекало само делопроизводство. С другой, документы дела обличают «аномально-нормальный» характер этих бюрократических механизмов. В приведенном случае просматривается два повода, рождающих почву для наказания задержанного. Первый – это бродяжничество, за которое беглец и был задержан. Второй – его раскольнические взгляды, «непризнание властей». По всей видимости, именно второе обстоятельство обусловило передачу данного дела в Комитет министров. Как отмечает Н. П. Ерошкин: «На его рассмотрение выносились дела, которые министры не могли решать из-за отсутствия соответствующих законов или из-за того, что они затрагивали интересы других ведомств. Поступали в Комитет и запутанные дела, которые министры не желали разрешать своей властью»²². Решение Комитета в отношении задержанного бродяги-раскольника раскрывает логику действий чиновников высшего государственного учреждения: именно раскольнические взгляды, а не беспорядочное скитание, послужили основным мотивом отправки в Раифскую пустынь под надзор настоятеля монастыря как формы наказания. Бродяжничество в данном случае выглядит второстепенным нарушением по отношению к посягательству на государственные устои. Следовательно, есть основания предполагать, что на уровне Комитета министров происходило своего рода негласное ранжирование правонарушений, совершенных одним лицом.

Следующий пример относится уже ко второй половине XIX в.: 8 марта 1867 г., в Казанское уездное полицейское управление поступил рапорт из Воскресенского волостного правления следующего содержания: «Сельский староста деревни Кокушкиной Василий Герасимов, 8 числа сего марта месяца, представил в Волостное правление, взятого в селении своем за неимением письменного вида русского человека, прибывшего для ночлега 7 числа сего марта, назвавшегося себя Николаем Петровым, но какой губернии, уезда, волости и общества, не объяснил, а только назвал себя бродягою и непомнящим родства... Вследствие чего Воскресенское волостное правление представленного бродягу Петрова, имеет честь представить в Казанское уездное полицейское управление на зависящее распоряжение»²³.

В то же день неизвестный бродяга, доставленный при рапорте Воскресенского волостного правления за № 170, был допрошен в Казанском уездном полицейском управлении²⁴. После предварительного следствия полицейское управление передало дело в уездный суд на дальнейшее производство²⁵, который вынес следующее решение: «Уездный суд рассмотрев обстоятельства дела и находя бродягу Николая Петрова виновным в бродяжничестве, упорном сокрытии настоящего своего звания и происхождения а посему определить: бродягу Николая Петрова на основ[ании] 951 ст. Улож[ения] и прилож[ения] к 70 ст. того же Улож[ения] заключить в арестантские роты, рабочий дом или тюрьму на один год, и потом сослать на выдворение в Восточную Сибирь с употреблением его и там в работы, в течении восьми лет; в случае же совершенного недостатка помещения в местах заключения сослать его прямо на выдворение»²⁶. Таким образом, делопроизводственные документы, отложившиеся в ГА РТ и относящиеся к проблеме бродяжничества в России первой половины XIX в., свидетельствуют, что подобный характер следственно-судебных процедур и итоговых решений являлся наиболее распространенным и даже типичным для имперской управленческой модели.

При этом совершенно справедливо можно поставить вопрос о том, что происходило с теми бродягами, чья личность все же была установлена? Весьма показательным эпизодом в данном случае является история бывшего крепостного крестьянина Нижегородской губернии Н. Н. Шипова (1802-?), описанная в личных воспоминаниях. Судя по всему, автобиографическое произведение было издано во второй половине XIX в. Однако, подлинность отдельных сведений, содержащихся в записках Н. Н. Шипова, вызывает рациональное сомнение. Несмотря на это, следует сказать, что данный текст является весьма ценным историческим источником, исходящим от представителя «безмолвного большинства» и описывающим прежде всего судебно-следственную деятельность губернских и уездных органов власти в отношении беглого крестьянина.

Так, Н. Н. Шипов, примерно, в 1837 г. был задержан и отправлен в Ставропольский острог в качестве бродяги: «Меня поместили в казарме, на дверях которой висела доска с надписью: “За бродяжничество”. Началась для меня невыразимо горькая жизнь, столь горькая, что и теперь, при воспоминании о ней, из моих глаз катятся невольные слезы...»²⁷.

По свидетельству автора, его поместили в острог 1 августа 1837 г., но познание о его личности началось только к концу года, а окончательная информация

была получена еще позже: «Прошло более года. В это время губернским правлением собраны были обо мне справки из разных присутственных мест и дело мое поступило на рассмотрение уездного суда, а отсюда, как я слышал, скоро должно было перейти в уголовную палату, и, благодаря ходатайству за меня генерала Реброва, оно должно было решиться наконец в мою пользу. Так я ожидал и надеялся»²⁸.

Описание Н. Н. Шиповым судебного-следственного процесса подтверждает выводы, полученные в ходе анализа судебного-следственных дел из фондов ГА РТ. В конце концов, бывший крепостной крестьянин Нижегородской губернии Н. Н. Шипов был выпущен из острога в Ставрополе и возвращен на родину в Арзамасский уезд Нижегородской губернии. Правда, по решению уголовной палаты здесь он был вновь помещен в местный острог и вышел на свободу только в 1841 г.²⁹

Нужно отметить, что одна из особенностей судопроизводства в отношении бродяг заключалась в том, что не во всех ситуациях властям удавалось доподлинно установить личность задержанного. Среди них нередко обнаруживались «не помнящие родства». В публичной лекции, прочитанной в Московском университете 5 февраля 1878 г., магистр уголовного права Н. В. Муравьев³⁰ отмечал следующее: «это человек без имени, отчества и фамилии, без роду и племени, без прав и без звания, без происхождения и без местожительства, стоящий вне всяких политических, гражданских, семейных, имущественных отношений, не принадлежащий к обществу, но и не отвергнутый им, осужденный уголовным судом, но и не преступник в истинном, строгом смысле этого слова»³¹. Тем самым он подчеркивал особую сложность в вопросе о специфичности судопроизводства в отношении бродяг в России.

Таким образом, можно выделить несколько аномальных особенностей в судебном-следственном процессе, являющихся «болезненной нормой» для XIX в. С одной стороны, отсутствовала единообразно отстроенная институциональная траектория делопроизводства в отношении бродяг. Не существовало одной конкретной инстанции на уровне губернии, которая непосредственно занималась вопросами пресечения и искоренения бродяжничества в том или ином регионе империи. Вместе с тем, невозможно говорить об одной универсальной траектории судопроизводства в отношении бродяг в России. Кроме того, местные органы власти зачастую старались как можно быстрее соблюсти все формальные бюрократические действия и передать дело на следующий этап в соответствующие инстанции.

С другой стороны, на стадии судопроизводства просматривается иная аномальная практика. Дело в том, что самодержавная власть Российской империи в первой половине XIX в. во многом продолжала опираться на идеи регулярности и полицейского контроля, заложенные еще Петром I. Вместе с тем, парадоксальным образом происходит процесс взаимодействия государства с обезличенными подданными – по всей видимости, бродяги в ряде случаев отправлялись в Сибирь так и не идентифицированными личностями. Как подмечает Н. В. Муравьев: «Надо всем, что происходит в заседании, как бы тяготеет сознание, что все уже предreshено и известно заранее, что изменений никаких быть не может, что нужно только поскорее пройти по шаблону, исполнить

нужные обряды – и дело с концом»³². Вероятно, именно формализованный характер бюрократической системы Российской империи зачастую приводил к тому, что органы власти попросту не могли установить индивидуальные сведения о каждом задержанном из массы подвижного населения. С другой стороны, нужно учесть следующее обстоятельство: если в XVIII в. беглые крестьяне – это важный экономический ресурс, то с бродяжничеством в XIX в. ситуация несколько иная. Здесь государство лишь внешне создает иллюзию тотального полицейского надзора.

Гипотетически можно предположить, что бродяги в XIX в. были не так важны для государства с точки зрения масштабной экономической выгоды, как, например, беглые в XVIII столетии. Поэтому государство уже не имело дополнительных стимулов в идентификации тех скитальцев, которые попадали в его поле зрения. Хотя не стоит забывать о том, что в XIX в. немалая часть попадавших под уголовные статьи «за бродяжничество», вероятнее всего, происходила из среды беглых крестьян. Следовательно, обнаруживается довольно перспективная траектория будущего исследования проблемы бродяжничества в России в XIX в. Прежде всего, это вопрос составления определенного коллективного портрета бродяг, который, возможно, позволит доказать или опровергнуть высказанную выше гипотезу и позволит точнее взглянуть на целый пласт российского общества XIX в.

Подводя итоги, стоит сказать, что бродяжничество как социальное явление в Российской империи напрямую сталкивалось с деятельностью органов местной власти, как на уровне губернии, так и на уровне уездной системы в XIX в. В первую очередь, в процессе взаимодействия со странствующими анти-социальными элементами участвовали губернские, городнические и волостные правления, земские и уездные суды, палаты уголовного суда и т. д. Именно эти структуры проводили комплекс следственно-судебных мероприятий в отношении лиц, уличенных в бродяжничестве. Однако деятельность указанных учреждений не всегда была «успешной» в силу бюрократических аномалий Российской империи XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. – С. 173-185.
2. Подробнее об историографических тенденциях изучения вопросов губернского и общероссийского управления см.: *Бикташева А. Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. – М., 2012. – С. 42-65; Применение функционального подхода в рамках изучения административной юстиции в России дореформенного периода (см.: *Павлова Е. А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). – СПб., 2000. – С. 14-55).
3. ПСЗ-I. – Т. XX. – № 14392; *Куприянов А. И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. – М., 2007. – С. 209-210.
4. *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. – С. 174.
5. *Бикташева А. Н.* Указ. соч. – С. 163.
6. ПСЗ-I. – Т. XXI. – № 15379.
7. *Андреевский И. Е.* Полицейское право. Т. I. – СПб., 1874. – С. 195.
8. Подобная структура устройства городской полиции подтверждается на примере г. Казани в начале XIX в. (см. *Бикташева А. Н.* Указ. соч. – С. 171).

9. Ерошкин Н. П. Указ. соч. – С. 175.
10. Там же. – С. 180.
11. Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. Т. I. – СПб., 1900. – С. 79-82.
12. Гавриил Ильич Солнцев (1786-1866) – ординарный профессор, декан отделения нравственно-политических наук и ректор Императорского Казанского университета (1819-1820); с 1824 г. – казанский губернский прокурор.
13. ГА РТ, ф. 14, оп. 21, д. 125, л. 2, 3.
14. Речь идет о Казанской палате уголовного суда, куда и поступило представление Казанского губернского прокурора от 30 июня 1832 г. за № 670 (см.: ГА РТ, ф. 14, оп. 21, д. 125, л. 2).
15. ГА РТ, ф. 14, оп. 21, д. 125, л. 4.
16. Там же, л. 6. Ордонансгауз – комендантские управления и военно-административные здания для их размещения, в городах дореволюционной России.
17. ГА РТ, ф. 4, оп. 70, д. 58, л. 3.
18. Там же, л. 6.
19. Там же, л. 10.
20. Там же, л. 11.
21. Там же, л. 33.
22. Ерошкин Н. П. Указ. соч. – С. 146.
23. ГА РТ, ф. 15, оп. 1, д. 886, л. 1-1 об., 2 об.
24. Там же, л. 3-4 об.
25. Там же, л. 8.
26. Там же, л. 15-16.
27. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX. – М., 2006. – С. 199.
28. Там же. – С. 201-202.
29. Там же. – С. 202.
30. Муравьев Николай Валерианович (1850-1908) – российский юрист, впоследствии министр юстиции Российской империи с 1894 по 1905 г.
31. Муравьев Н. В. Указ. соч. – С. 82.
32. Там же. – С. 79.

Список литературы

Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. – М.: Новый хронограф, 2012. – 495 с.

Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 784 с.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Издательство «Высшая школа», 1983. – 352 с.

Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. – М.: Новый хронограф, 2007. – 480 с.

Правилова Е. А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). – СПб.: Издательство СЗАГС, издательство «Образование-Культура», 2000. – 288 с.

References

Biktaşheva A. N. *Antropologiya vlasti: kazanskіe gubernatori pervoi polovini XIX veka* [Anthropology of Power: Kazan Governors of the First Half of the 19th Century]. Moscow: Novii khronograf publ., 2012, 495 p.

Vospominaniya russkikh krestyan XVIII – pervoi polovini XIX [Memories of Russian Peasants of the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2006, 784 p.

Eroshkin N. P. *Istoriya gosudarstvennikh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii* [History of State Institutions in Prerevolutionary Russia]. Moscow: Izdatelstvo “Visshaya shkola” publ., 1983, 352 p.

Kupriyanov A. I. *Gorodskaya kultura russkoi provintsii. Konets XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Urban Culture of the Russian Provinces]. Moscow: Novii khronograf publ., 2007, 480 p.

Pravilova Ye. A. *Zakonnost i prava lichnosti: administrativnaya yustitsiya v Rossii (vtoraya polovina XIX v. – oktyabr 1917 g.)* [Legality and Individual Rights: Administrative Justice in Russia (Second Half of the 19th Century – October 1917)]. St. Peterburg: Izdatelstvo SZAGS, izdatelstvo “Obrazovanie-Kultura” publ., 2000, 288 p.

Фото предоставлено автором статьи.

Photo provided by the author of the article.

Сведения об авторе

Лукоянов Кирилл Валерьевич, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, e-mail: lukoyanov-kirill@mail.ru

About the author

Kirill V. Lukoyanov, postgraduate student of the Department of Russian History and Archival Science at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan Federal University, e-mail: lukoyanov-kirill@mail.ru

В редакцию статья поступила 09.10.2025, опубликована:

Лукоянов К. В. Деятельность губернских и уездных органов власти в отношении бродяжничества в Российской империи (первая половина XIX в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 2. – С. 140-150.

Submitted on 09.10.2025, published:

Lukoyanov K. V. *Deyatel'nost' gubernskih i uezdnyh organov vlasti v otnoshenii brodyazhnichestva v Rossijskoj imperii (pervaya polovina XIX v.)* [The Activities of Provincial and Uyezd Authorities on Vagrancy in the Russian Empire (first half of the 19th century)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 2, pp. 140-150.